его персты, лежат и ко властем ласкающеся всячески и примиряющися, да свое сохранят и к тем еще множаишее приобрящут»[59]

Курбский рисует яркую картину упадка церкви, управляемой монахами-стяжателями, «осифлянами». Священнический чин — пишет он — «не токмо расхищают, но учителе расхитителем бывают, начало и образ всякому зконопреступлению собою полагают, не глаголют пред цари, не стыдяся о свидении господни, но паче потаковники бывают села себе устрояют и великие храмины поставляют и богатствы многими кипят, и корыстми, яко благочестием, ся украшают»[60]

В России — продолжал Курбский — разгорелся лютый пожар, который никто не может погасить «« яко же пожару люту возгоревшуся на лице всея земли нашея, и премножество домов зрим от пламени бедных напастеи искореневаеми. И хто текше от таковых отъимет? И хто угасит и хто братию от таковых отъимет? И хто угасит и кто братию от таковых и толь лютыи бед избавит? Никто же! Воистинну не заступающаго ни помогающаго несть, разве господа»[61] Этот упрек относился прежде всего к духовенству.

В России — писал Курбский — нет святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови «...где убо кто возпрети царю или властям о законопреступных и запрети благовременных и безвременно? Где Илия, о Нафееве крови возревновавый, и ста царю в лице обличением, где Елисее, посрамивый царя и Израилева сына Ахавова? Где лики пророков обличающи неправедных царей?».[62] Здесь мы находим прямой намек на недавние казни бояр.

Курбский горько сетовал на то, что в стране нет патриархов (митрополита ?) и «боговидных святителей», которые бы решились открыто обличить царя. В том же послании Васьяну он писал· «Где ныне патриархов лики и боговидных святителеи и множество преподобных ревнующе по бозе, и нестыдно обличающих неправедных цареи и властелеи в различных их законопреступных делех ... Кто ныне не стыдяся словеса евангельская глаголет и кто по братии души свои полагают? Аз не вем кто»[63]

Так Курбский оценивал компромисс, заключенный между правительством и церковью в феврале—марте 1564 г. Не без основания Курбский рассчитывал на то, что его критика иосифлянской церкви найдет сочувствие у старца Васьяна и других монахов Псково-Печерского монастыря, поскольку в течение длительного времени этот монастырь был цитаделью «нестяжателей», противников «осифлян». Монастырь, писал позже Курбский, был «воздвигнут» трудами игумена Корнилия и в нем совершались чудеса, «поколь было именеи к монастырю тому не взято и нестяжательно мниси пребывали».[64] Интересно, что сам Курбский считал себя учеником близкого к «нестяжателям» Максима Грека.

Своей критикой «осифлян» Курбский желал побудить старцев влиятельного Псково-Печерского монастыря открыто осудить «законопреступные» репрессии Грозного. Как мы покажем ниже, ему это не удалось

---

[59] РИБ, т XXXI стр 397

[60] Там же стр 395—396

[61] Там же стр 396—397 Под пожаром Курбский подразумевал репрессии против княжеско-боярской оппозиции В своей «Истории» он писал «Скоро по Алексееве смерти и по Селивестрову изгнанию воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле Руской возгорелся» (там же, стр 276)

[62] РИБ, т. XXXI, стр 396, прим 14—17.

[63] РИБ, т XXXI, стр 396

[64] Там же, стр 320—321 Корнилий управлял монастырем в 1529—1570 гг (Н Н Масленникова Идеологическая борьба в псковской литературе , стр 206)